

Uymanov V.N.,
 Doctor of Historical sciences,
 chairman of the Committee on the Issues of Civil Defense and Emergency Situations
 of the Administration of Tomsk Region,
 real adviser of public and civil service of the second class

SOME ASPECTS OF THE NATIONAL STAFF OF THE VICTIMS OF POLITICAL REPRESSIONS IN THE TERRITORY OF WESTERN SIBERIA

The article deals with the comparative and historical analysis of the repressions of 1920-1930s on the base of the study of archival sources. The author views the national staff of the repressed citizens and the scale of repressions in the territory of Western Siberia.

Key words: *penal system, Western Siberia, repressed citizens.*

Уйманов В.Н.,
 председатель Комитета по вопросам гражданской обороны и
 чрезвычайным ситуациям Администрации Томской области,
 действительный советник государственной гражданской службы 2 класса,
 доктор исторических наук
E-mail: Uimanov@tomsk.gov.ru

К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНОМ СОСТАВЕ РЕПРЕССИРОВАННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ¹

В статье на основе изучения архивных источников производится сравнительно-исторический анализ репрессий 1920–1930-х годов, приводятся сведения о национальном составе репрессированных граждан и масштабности репрессий на территории Западной Сибири.

Ключевые слова: пенитенциарная система, Западная Сибирь, репрессированные граждане.

Массовые репрессии в СССР в огромной степени повлияли на различные стороны жизни советского, а затем российского государства, оставив неизгладимые следы в судьбах миллионов наших сограждан.

В настоящее время приходится констатировать, что пока вскрыт лишь поверхностный слой информации по этому вопросу, так как многие документы по-прежнему недоступны для исследователей, в недостаточной степени исследованы фонды местных архивов в субъектах Российской Федерации. В связи с этим до сих пор нет исчерпывающих данных о количестве жертв, не завершен процесс реабилитации и увековечения памяти жертв репрессий.

Несмотря на наличие значительного количества исследований, периодически появляются новые работы, в которых освещаются вопросы, связанные, например, с национальным аспектом репрессий. К сожалению, некоторые из них имеют ярко выраженную политическую окраску. Так, Д. Кип и А. Литвин, ссылаясь на Т. Мартина, говорят о существовании в СССР «всеобщей программы массового уничтоже-

ния»². Их поддерживает Э. Сильвестри в статье «Смерть Сталина предотвратила коммунистический холокост»³, поднимающей вопрос о преследовании лиц еврейской национальности. Автор, в частности, пишет о проявлениях антисемитизма в СССР в период чисток тридцатых годов, когда расстреливали тысячами коммунистов еврейского происхождения⁴.

Вопросу политических репрессий по национальным делам посвящены работы Е.В. Кодина⁵ и В.П. Булдакова⁶.

Отдельно хотелось бы остановиться на позиции Е.В. Кодина, считающего «наиболее деликатным аспектом репрессивной практики советского государства... национальный вопрос». Какая из национальностей пострадала от репрессий больше всего? Согласно проведенному Е.В. Кодиным анализу больше всего было репрессировано русских (77 %), затем латышей (6 %), поляков (5,5 %), белорусов (4 %), евреев (1,5 %) и др. И все менее процента (от нескольких сот до нескольких десятков человек). Но при применении высшей меры наказания (расстрел) процент репрессированных претерпел изменения: у русских он снизился почти на 10 % (с 77

до 65,5), у латышей он вырос в два раза – с 6 до 12 %, у поляков – с 5,5 до 9 %, у белорусов – на 1,5 %⁷.

По мнению Е.В. Кодина, это свидетельствует о том, что «более жесткие меры применялись по отношению к «малым народам», населявшим Смоленщину». При этом автор делает оговорку, что его вывод применим лишь к периоду Большого террора, когда проводились так называемые специальные операции. Более всего, по мнению Е.В. Кодина, тогда пострадали латыши и поляки, так как только в отношении представителей этих национальностей – и еще немцев, но их было недостаточное количество – проводились специальные операции⁸.

Однако данные выводы Е.В. Кодина некорректны, согласиться с ними сложно хотя бы по той причине, что произведененный им анализ сделан на основе обобщенных данных за период 1917–1953, а не 1937–1938 годов.

Сложно согласиться и с результатами его анализа по определению процента отношения репрессированных каждой национальности к общей численности ее представителей, проживавших в границах Смоленщины: как утверждает Е.В. Кодин, за основу взяты «самые точные цифры» – данные переписи 1926 года, но в действительности расчет произведен опять-таки по периоду 1917–1953 годов.

Согласно официальным данным переписи 1937 года (по сравнению с результатами переписи 1926 года) в РСФСР за счет миграционных процессов заметно изменился национальный состав населения республики. Например, до 85 361 394 человек увеличилась доля русских (с 78,03 % до 82,14 %), с 2 765 208 до 3 697 507 человек – татар (на 7,66 %), с 52 485 до 292 099 человек – казахов (в 5,5 раза). Одновременно с этим в 2,5 раза сократилось, например, число украинцев (с 6 948 381 до 3 087 022 человека), в 1,8 раза – белорусов (с 612 020 до 349 214 человек) и поляков (с 197 827 до 92 078 человек), в 2,3 раза – латышей и латгалыцев (с 126 266 до 54 493 человек), в 6,5 раза – литовцев (с 3 905 до 28 856 человек)⁹.

Причиной подобных колебаний явилась, в частности, проводимая руководством страны политика раскулачивания и коллективизации, когда тысячи семей срывались с мест постоянного проживания в поисках укрытия от возможных или действительных преследований со сто-

роны власти. Обращает на себя внимание тот факт, что, несмотря на кратное сокращение представителей отдельных национальностей, в целом в восточных районах РСФСР произошло их увеличение. Например, в 1939 году в Новосибирской области число казахов после переписи 1926 года увеличилось до 20 000 человек, в Омской области численность этой диаспоры выросла вдвое, достигнув 50 000 человек, а на Алтае их стало проживать почти 30 000 человек¹⁰.

Что же касается проведения специальных операций, отметим, что до начала Большого террора национальная принадлежность репрессируемых не имела значения. Определяющим фактором в их преследовании была принадлежность к различным социальным группам из числа «бывших», к оппонентам из числа представителей общественно-политических партий и движений, чьи взгляды на переустройство страны не совпадали с позицией большевиков, к представителям духовенства, к зажиточному крестьянству, к уголовным элементам и люмпенизированной части населения. А в годы Большого террора национальная принадлежность репрессированных просматривалась уже четко.

Так, например, обработка баз данных репрессированных жителей Томской, Кемеровской областей и Алтайского края позволяют сделать однозначный вывод, что до начала Большого террора на территориях Томской области и Алтайского края среди пострадавших были представители 24-х и 25-ти национальностей соответственно, а в 1930-е годы в Томской области в числе репрессированных оказались представители уже 53-х, на Алтае – 43-х, в Кузбассе – 42-х национальностей и народностей¹¹.

В таблице 1 представлены количественные показатели национального состава репрессированных на территории современных Томской и Кемеровской областей, Алтайского края и Республики Алтай в 1931–1941 годах. В основу этой таблицы положены результаты Всесоюзной переписи населения 1939 года и данные автоматизированных баз данных репрессированных жителей названных регионов.

Анализ представленных материалов подтверждает наличие избирательности при репрессировании по национальному признаку по уже названной выше причине. Так, репрессирование 4 374 поляков (30 %) из 14 588 проживавших было проведено по обвинению в участии в «контрреволюционной» организации «Польской

Таблица 1

Национальный состав репрессированных на территории Томской и Кемеровской областей, Алтайского края и Республики Алтай¹⁵ в 1931–1941 годах

Нацио- нальная прина- длежность	Количест- во прожи- вавших на терри- тории Западной Сибири (чел.)	Количество про- живавших в Новосибирской области и Алтайском крае (чел.)	Количество репрессированных					% к населе- нию Новоси- бирской области и Ал- тайско- го края	% к числу репрес- сирован- ных в Ново- сибирск- ой об- ласти и Ал- тайско- м крае
			Томская область	Кемеров- ская об- ласть	Алтай- ский край	Респуб- лика Алтай	Всего (чел.)		
Русские	7 620 518	5 730 611 (1)*	10 523	27 787	20 542	2 534	61 386	1,07	68,2
Украин- цы	483 105	324 605 (2)	895	3 390	2 445	15	6 845	2,11	7,6
Татары	161 909	70 033 (4)	167	300	46	2	515	0,73	0,57
Немцы	101 429	41 597 (9)	479	2 159	2 443	34	5 115	12,3	5,68
Казахи	99 479	47 588 (6)	2	63	103	308	476	1,0	0,52
Мордва	89 627	81 862 (3)	66	400	227		693	~0,85	0,77
Белору- сы	63 923	48 667 (5)	544	1 147	759	12	2 462	5,06	2,73
Чуваши	55 918	45 095 (7)	58		21				
Ойраты	44 988	44 093 (8)	—		—	1 102		~2,5	~1,14
Коми	24 074	9 140 (15)	3		5	—			
Поляки	21 805	14 588 (11)	1 381	2 100	834	59	4 374	30,0	4,86
Евреи	20 814	14 092 (12)	330	385	126	14	855	6,07	0,95
Эстонцы	18 831	10 994 (13)	229	615	229	17	1 090	9,9	1,21
Ханты	18 377	нет данных	—	—	—	—			
Латыши и лат- галыцы	18 172	10 757 (14)	440	868	263	37	1 608	14,95	1,79
Шорцы	14 811	14 801 (10)	—	151	1	3	155	1,05	0,17
Ненцы	14 508	12	—	—	—	—			
Удмур- ты	9 091	8 609 (16)	4		5				
Манси	5 871	7	—	—	—	—			
Цыгане	4 578	3 340 (18)	3		1				
Башки- ры	3 965	3 468 (17)	16		—				
Литовцы	3 451	2 894 (19)	83	150	43	12	288	9,95	0,32

♦

Примечание: * – цифра в скобках показывает рейтинговый показатель численности проживавших.

организации «Войсковой», филиалы которой были выявлены практически во всех городах, районах и крупных населенных пунктах региона. Достаточно активно в «контрреволюционной» деятельности принимали «участие» и белорусы (2 462 человек – 5,06 %), которым с учетом близости Белоруссии к панской Польше также обычно инкриминировали участие в деятельности «Польской организации Войсковой».

Число подвергшихся репрессиям представителей прибалтийских государств – эстонцев, литовцев, латышей и латгалцев – составило 1 090 (9,9 %), 288 (9,95 %) и 1 608 (14,95 %) человек соответственно. Из числа лиц немецкой национальности репрессиям подверглись 5 115 (12,3 %) человек.

Следует заметить, что часто так называемые контрреволюционные организации объединяли десятки и даже сотни человек. Стремление доказать наличие армии «врагов» у советского государства сотрудниками НКВД проявлялось в установлении большого числа связей у этих «врагов» независимо от национальной принадлежности и доказывании их «преступной» деятельности. Так, в одной из организаций, «вскрытой» сотрудниками НКВД на Алтае, в числе 26 шпионов и диверсантов оказались представители 8 национальностей.

Подобные «контрреволюционные» организации десятками раскрывались органами НКВД во всех субъектах региона. Например, в Томске сотрудниками горотдела НКВД были «вскрыты» татарская контрреволюционная национальная организация «Гаскери-Уешма», немецкая, китайская, корейская, латышская и другие шпионские (диверсионные, вредительские и т. п.) организации. Иначе и быть не могло – «линейные» приказы требовали и обязывали территориальные подразделения органов НКВД искать и находить таковые. Операции по «национальным организациям» наибольшее распространение получили в 1938 году.

В Томске было расстреляно более 1 200 лиц польской национальности, что составило почти 82 % от общего числа арестованных (большинство из них прошли по делу «Польской организации Войсковой»), татар – 63 %, финнов – 84,9 %, корейцев – 88,9 %, китайцев – 97,3 %. На Алтае более всего пострадали венгры (73 %), румыны (69,23 %), белорусы (65,1 %), латыши (62,95 %), поляки (61,48 %), эстонцы (59,6 %). В Кузбассе без привязки к рассматриваемому периоду времени в годы ре-

прессий были расстреляны все арестованные калмыки (15 человек) и чеченцы (10 человек). Среди расстрелянных было 89,29 % корейцев, 84,7 % карелов, 83,8 % австрийцев, 83,3 % туркменов, 80,16 % китайцев, 81,8 % латышей, 80 % бурят, 80 % ассирийцев, 76,9 % узбеков, 76,8 % поляков, 58,5 % немцев, 57,8 % литовцев и т. д.¹² В Томской области был расстрелян практически каждый второй арестованный русский – более 6,5 тысяч человек (47 %)¹³. В Кузбассе из 28 526 были расстреляны 13 692 (44,33 %) русских. На Алтае эти цифры составили 29 144 и 9 168 (31,5 %) человек. Однако следует отметить отсутствие какого-либо единого национального подхода к репрессируемым.

В годы Большого террора на территории Западной Сибири пострадали от репрессий представители более 50 национальностей и народностей (всего в регионе проживали представители более 100 национальностей и народностей.) Наиболее пострадавшими в Томской и Кемеровской областях, Алтайском крае и Республике Алтай¹⁴ только в 1930-е годы оказались представители русского населения (61 386 – 68,2 % от общего числа репрессированных), украинцы (6 845 – 7,6 %), немцы (5 115 – 5,68 %), поляки (4 374 – 4,86 %), белорусы (2 462 – 2,73 %), представители прибалтийских государств (2 986 – 3,31 %). При этом у целого ряда входящих в число наиболее многочисленных народов региона репрессиям подверглись менее одного процента от числа проживавших. Так, из почти 90 тысяч представителей мордовского народа (третьего по численности проживавших в регионе) репрессиям подверглись 693 человека, из 162 тысяч татар (четвертых по численности в регионе) – 515 человек, из 99,5 тысяч казахов (шестых по численности) – 476 человек. У иных коренных национальностей число репрессированных исчисляется десятками человек. Даже в Республике Алтай и только в довоенный период число арестованных русских жителей (4 176 человек) вдвое превысило число арестованных алтайцев (2 038 человек). Из них расстрелу были подвергнуты 1 059 русских и 534 алтайца, что также соответствует пропорции, характерной для указанного числа арестованных¹⁵. Возможно, причинами малого числа репрессий коренных национальностей были удаленность мест их проживания, малограмотность и обособленный образ жизни.

Что касается вынесения приговоров к высшей мере наказания (расстрелу), то число рас-

стрелянных, преимущественно по решению несудебных органов, у отдельных национальностей достигало почти 100 %. Одной из причин этого можно назвать малочисленность некоторых народов. Возможно, что и доля репрессированных представителей отдельных национальных меньшинств может оказаться выше, но это не является свидетельством проведения целенаправленной политики репрессий в отношении них. Имеющиеся данные позволяют сделать однозначный вывод, что в основную массу пострадавших от репрессий входят представители наиболее распространенных в субъектах региона национальностей.

Следует учитывать, что все так называемые линейные приказы издавались для исполнения по всей стране без учета реального проживания в регионах представителей тех или иных народностей. Во-вторых, наличие оперативных учетов в органах НКВД и регулярное обновление их через систему властных структур в стране позволяло отслеживать необходимые «оперативные» контингенты, незамедлительно проводя их аресты в случае «надобности». В-третьих, следует учитывать наличие регулярно поступавших от руководства НКВД указаний и команд о необходимости скорейшего «выкорчевывания» вражеских агентов, диверсантов и шпионов, что без очевидной фальсификации материалов сделать было невозможно и на что шли сотрудники органов НКВД на местах.

Эти данные являются прямым опровержением выводов и заключений отдельных исследователей о целенаправленном преследовании нерусского населения страны. Кроме того, по данным

на 1 апреля 1940 года в ГУЛАГе содержались 1 269 785 заключенных, национальный состав которых выглядел следующим образом: русские – 767 553 (60,4 %), украинцы – 179 951 (14,1 %), белорусы – 45 623 (3,6 %), татары – 26 175 (2,06 %), узбеки – 25 040 (2,0 %), казахи – 21 301 (1,6 %), евреи – 20 820 (1,6 %), немцы – 18 149 (1,43 %), поляки – 15 621 (1,23 %), грузины – 11 122 (0,87 %), армяне – 10 858 (0,85 %), азербайджанцы – 10 599 (0,83 %), туркмены – 9 855 (0,78 %), латыши – 4 978 (0,39 %), башкиры – 4 765 (0,38 %), таджики – 4 522 (0,36 %), китайцы – 4 034 (0,32 %), киргизы – 2 808 (0,22 %), корейцы – 2 707 (0,21 %), эстонцы – 2 601 (0,2 %), финны – 2 294 (0,18 %), буряты – 1 891 (0,15 %), иранцы – 1 475 (0,11 %), литовцы – 1 009 (0,08 %), румыны – 389 (0,03 %), афганцы – 334, монголы – 128, японцы – 20, прочие национальности – 61 706 (4,86 %), без указания национальности – 11 457 (0,9 %) человек¹⁶. Приведенные выше сведения опять-таки опровергают выводы о первоочередном целенаправленном преследовании нерусского населения.

Таким образом, можно констатировать, что руководство страны периодически меняло свои приоритеты при проведении репрессивной политики: если на протяжении 1920-х годов национальный аспект практически не учитывался, то в 1930-е годы, особенно в период 1937–1938 годов, он во многом стал определяющим в политике репрессий.

В настоящее время практически абсолютное большинство репрессированных реабилитированы за отсутствием составов преступлений.

Примечания:

- Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Администрации Томской области (№ проекта – 14-13-70002).
- Кип Д., Литвин А.* Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: РОССПЭН; Фонд первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2009. С. 153–154.
- Статья издана в *Il Giornale* (Италия) 16 января 2013 года.
- URL: <http://www.inoCMi.ru> (дата обращения: 30.03.2013).
- Кодин Е.В. Репрессированная российская провинция. Смоленщина. 1917–1953. М.: Российская политическая энциклопедия, 2011. 270 с.
- Булдаков В.П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН; Фонд первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2010. С 569.
- Там же. С. 878.
- Кодин Е.В. Репрессированная российская провинция. Смоленщина. 1917–1953. М.: Российская политическая энциклопедия, 2011. С. 29–30.
- Население России в XX веке: исторические очерки. В 3 т. Т. 1. 1900–1939 / отв. ред. В.Б. Жиромская. М.: РОССПЭН, 2000. С. 382–384.

10. Там же. С. 385–386.
11. Уйманов В.Н. Пенитенциарная система Западной Сибири (1920–1941 гг.). Томск: Изд-во Томского гос. ун-та систем управления и радиоэлектроники, 2011. 328 с.
12. Там же. С. 269.
13. Боль людская. Книга Памяти репрессированных томичей. В 5 т. Т. 5. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1999. С. 9.
14. Названия областей, края и республики – современные.
15. Подсчитано автором по базам данных репрессированных жителей названных субъектов.
16. Население России в XX веке: исторические очерки. В 3 т. Т. 1. 1900–1939 / отв. ред. В.Б. Жиромская. М.: РОССПЭН, 2000. С. 322–323.